

Том 2. Система «Износ»

Виктор Иванченко

18+

Виктор Иванченко

Том 2. Система «Износ»

«Автор»
2026

Иванченко В.

Том 2. Система «Износ» / В. Иванченко — «Автор», 2026

Заражение, полученное на закрытом мясокомбинате, навсегда закрыло Артёму Воронову дорогу в секретные биолаборатории. Теперь он переведен в другой контур Ведомства — туда, где умирает сама повседневность.Обычная панельная девятиэтажка в Выхино начинает гудеть на низкой, сводящей с ума частоте. Стены сжимаются, квартира выворачивается наизнанку, а из старых бакелитовых розеток лезут длинные серые пальцы без ногтей.Чтобы выжить и поставить пространственную заглушку, Ликвидатору предстоит пройти через гниющие ярусы забытой советской инфраструктуры: залитый мазутом «Минус Первый» этаж с людьми, впрессованными в трубы теплотрассы, бесконечный ржавый гаражный кооператив и призрачный трамвай без водителя.Порох на исходе, черная метка на ладони растет, а бетон под ногами вот-вот провалится в пустоту.

© Иванченко В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Частотный шум панели 5
Глава 2. Не тот этаж 9
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Виктор Иванченко
Том 2. Система «Износ»

Глава 1. Частотный шум панели

Панельная многоэтажка на Самаркандской, восемьдесят восемь, корпус пять, ничем не отличалась от сотен таких же серых бетонных коробок в Выхино-Жулебино, построенных в эпоху позднего застоя на скорую руку. Облезлая зеленая краска на цоколе, кривой козырек над подъездом, исписанный обрывками объявлений о скупке холодильников, и стойкий запах вареной капусты вперемешку с кошачьей мочой и сыростью на лестничной клетке.

Артём поднялся на седьмой этаж и остановился перед обитой рваным коричневым дерматином дверью квартиры 112.

На нем была обычная, потертая гражданская куртка поверх черного тактического свитера. В левом кармане тяжело оттягивал ткань разводной ключ-четверка с обрезанной для скрытности рукоятью, а в правом лежала мятая картонная пачка бездымного пороха «Сокол». Левую кисть, наглухо затянутую в плотную черную медицинскую перчатку поверх глянцевого, мертвого шрама с «Бойни-04», неприятно покалывало — словно рубец под кожей уловил чужую, болезненную частоту этого здания.

Он вставил плоский английский ключ из конверта Ведомства в замочную скважину. Металл вошел туго, со скрипом, будто внутри личинки набился мелкий бетонный песок. Замок щелкнул, и дверь приоткрылась.

В лицо ударил запах.

Это не был запах заброшенного жилья или трупного разложения, к которому Артём привык на закрытых объектах «ИЗОЛЯТа». Пахло старой, пересушенной бумагой, пыльными шерстяными коврами, кислым дешевым табаком и… горячей, перегретой проводкой. Тем самым липким, удушливым запахом советской бытовой старости, от которого першит в носу и начинает тупо ломить виски.

Артём шагнул в тесную, темную прихожую и прикрыл за собой дверь.

И сразу же услышал **звук**.

Он шел не из-за окна и не от соседей. Он шел изнутри самих несущих железобетонных плит. Низкий, едва уловимый, вибрирующий гул на самой границе слышимости — словно где-то в толще бетона, прямо под выцветшими бумажными обоями в мелкий цветочек, работал огромный, изношенный до предела трансформатор. От этой вибрации мелко дрожали стекла в старом лакированном серванте в глубине комнаты, а у Артёма мгновенно заныли корни зубов.

Он медленно прошел в жилую комнату.

Обстановка выглядела так, будто хозяин вышел на лестничную клетку покурить пять минут назад и бесследно исчез: на продавленном диване валялся клетчатый плед, на полированном журнальном столе стоял остывший граненый стакан с недопитым чаем, покрытым мутной радужной пленкой. Но стоило присмотреться внимательнее, и глаза начинали сходить с ума.

Комната была **неправильной**.

Углы между стенами и потолком больше не сходились под прямым углом — они слегка, почти неуловимо плыли внутрь, словно тяжелые бетонные плиты устали держать вес девятиэтажки и начали медленно, по миллиметру складываться внутрь, сжимая пространство. Швы между панелями под обоями разошлись, обнажив глубокие, черные трещины, из которых тянуло ледяным сквозняком и сырой, перемолотой бетонной пылью.

Артём подошел к старой, пожелтевшей от времени бакелитовой розетке у самого плинтуса, из которой выходил витой шнур торшера.

Низкочастотный гул в стене вдруг усилился, став громче и тяжелее — как хриплый, тяжелый вдох старика с больными легкими. Бумажные обои вокруг розетки пошли мелкой, судорожной рябью и с сухим треском лопнули.

Из темных круглых отверстий розетки, с тихим, противным шуршанием, похожим на трение сухой наждачки о картон, медленно показались кончики **тонких, неестественно длинных серых пальцев без ногтей**. Кожа на них была покрыта мелкой сетью трещин, как пересохшая оконная замазка, а суставы гнулись сразу в обе стороны, слепо ощупывая воздух вокруг провода.

Первобытный, ледяной страх ударил не в голову — он ударил прямо под дых, скручивая желудок в тугой, болезненный узел, от которого даже едкая горечь проглоченного утром «Сокола» во рту сменилась кислым привкусом желчи.

Артём стоял, не в силах отвести взгляд от старой бакелитовой розетки у плинтуса.

Два серых пальца, вылезшие из узких дырочек под вилку, не просто торчали наружу — они *вытекали* из пластика, словно густая, пережеванная замазка, которой придавали форму изнутри стены. На них не было ногтей: там, где у человека должна быть твердая ногтевая пластина, кожа просто заворачивалась внутрь, образуя слепые, морщинистые впадины, похожие на зашитые суровыми нитками веки.

Потом раздался звук. Сухой, хрустящий треск — словно в пустой спичечный коробок насыпали битого стекла и с силой сжали в кулаке.

Пальцы вытянулись еще на двадцать сантиметров. У них оказалось не три фаланги, а шесть или семь — тонких, узловатых, как сухие куриные лапы, обтянутые серой, шелушащейся кожей цвета сырого цемента. С каждым сантиметром из отверстий розетки на старый паркет сыпалась мелкая, белесая труха — перетертая в пыль штукатурка и крошечные, мертвые чешуйки человеческого эпителия.

Тварь внутри стены не видела Артёма, но она *слышала* его тепло, его пульс, его живое, влажное дыхание.

Кончики безногих пальцев мелко задрожали, выстукивая по деревянному плинтусу быструю, хаотичную дробь — *тук-тук-тук-тук*, словно слепое насекомое ощупывает усиками край добычи. А затем из самой глубины железобетонной плиты донесся глухой, утробный вздох.

Это вздохнула сама стена.

Обои в мелкий цветочек по всей комнате мгновенно пошли волнами. Клей под старой бумагой зашипел и лопнул. Артём с ужасом увидел, как сквозь выцветший рисунок проступают очертания десятков тел — будто с той стороны, внутри пятнадцатисантиметровой бетонной панели, в спрессованной пыли и арматуре замурованы сотни истощенных, скрюченных людей, которые прямо сейчас пытаются выдавить себя наружу сквозь твердый камень.

— Твою мать… — выдохнул Артём, инстинктивно пятясь назад.

Его нога задела край журнального столика. Граненый стакан с остатками холодного чая опрокинулся и с глухим стуком покатился по полу.

В ту же секунду низкочастотный гул в плитах сорвался на пронзительный, бьющий по барабанным перепонкам скрежет.

Бакелитовый корпус розетки разлетелся в щепки с громким, сухим хлопком. Из образовавшейся в стене черной, рваной дыры, выворачивая наружу куски бетона и ржавой арматуры, с противным, шуршащим свистом выстрелила целая связка этих длинных, многосуставчатых серых рук. Они двигались ужасающе быстро, переплетаясь друг с другом, как клубок слепых, голодных червей, и с сухим щелканьем суставов потянулись прямо к лодыжкам инженера.

Одновременно с этим из-под потолка, из вентиляционной решетки на кухне и из широких трещин в углах потолка с тихим, песочным шорохом к нему потянулись новые руки. Десятки тонких, пересушенных конечностей свисали сверху, как серые корни в заброшенном погребе, раскачиваясь в такт гулу здания и оставляя в воздухе плотную взвесь старой строительной пыли, от которой мгновенно перехватывало дыхание.

Артём рванулся в сторону балкона, чувствуя, как комната вокруг буквально сжимается.

Потолок опустился ниже — теперь над головой оставалось не больше полуметра, и свисающие сверху серые пальцы уже царапали капюшон его куртки с отвратительным, скребущим звуком наждачной бумаги. Левая стена с глухим, каменным скрежетом поехала вправо, сминая старый лакированный сервант: стекла в дверцах лопнули с оглушительным звоном, а сухое дерево треснуло, как спичка.

Один из серых, лишенных ногтей пальцев с ледяной, мертвой хваткой обвился вокруг шеи Артёма, пробираясь под воротник свитера. Кожа твари была шершавой, сухой и обжигающе холодной, как бетон на зимнем ветру — от прикосновения мгновенно заломило ключицу, а по шее побежали мурашки ледяного оцепенения.

Артём с хриплым рычанием потянул руку на себя, пытаясь оторвать этот сухой, цепкий жгут, но тот был прочнее стального троса. Из горла инженера вырвался сиплый хрип — тиски на шее сжимались, перекрывая кислород.

Свободной правой рукой, вслепую шаря в кармане куртки, Артём нащупал картонную пачку «Сокола» и старую бензиновую зажигалку.

Не раздумывая, он рывком выдернул пачку, сдавил ее в кулаке так, что картон треснул, и швырнул горсть серо-зеленых пороховых пластинок прямо в нависающему из стены сплетению серых рук, одновременно чиркнув колесиком зажигалки.

Ослепительная, режущая глаза вспышка бездымного пламени выжгла полумрак сжимающейся комнаты.

Огонь ударил с глухим, утробным хлопком. Тонкие, пересушенные как пергамент руки тварей вспыхнули мгновенно — с громким, трескучим шипением и отвратительным запахом паленой бумаги, старой пыли и горелого рога. Обвивший шею Артёма палец судорожно дернулся, с хрустом ломая собственные лишние суставы, и рассыпался в серый, дымящийся пепел.

Воспользовавшись секундами, пока стены в ужасе отпрянули от огня и едкого порохового дыма, Артём вскинул тяжелый обрезанный разводной ключ, с размаху выбил стекло балконной двери и вывалился наружу, надеясь глотнуть свежего воздуха спального района.

Но снаружи не было Выхино. Не было Самаркандской улицы, не было деревьев, машин и осеннего неба.

Артём замер на узком бетонном пятачке балкона, вцепившись побелевшими пальцами в ржавые перила.

Вокруг, сверху, снизу и напротив, насколько хватало глаз, тянулся **бесконечный, замкнутый колодец**из миллионов одинаковых серых панельных окон. Дом вывернулся наизнанку. Вверх этажи уходили в глухую, непроглядную серость без неба, вниз — в черную, гудящую бездну без земли. И в каждом темном окне напротив, прижавшись серыми, безликими лбами к мутным стеклам, стояли неподвижные силуэты, молча наблюдающие за ним.

Холод на этом балконе был неправильным. Он не щипал нос, как обычный московский ноябрь — он проникал сразу в кости, вытягивая тепло так быстро, словно воздух вокруг превратился в ледяную воду.

Артём стоял, вцепившись в ржавые прутья ограждения, и смотрел в этот бесконечный, мертвый колодец. Миллионы одинаковых серых окон уходили вверх, в глухую серость без неба, и вниз, в гудящую, непроглядную темноту. Ни звука машин, ни лая собак, ни гула далекого МКАДа. Только плотная, ватная тишина, которую нарушал лишь низкий, вибрирующий стон самих бетонных плит.

И вдруг напротив, через узкий провал колодца, в одном из темных окон седьмого этажа что-то изменилось.

Силуэт, прижавшийся серым лбом к мутному стеклу, медленно поднял руку. Пальцы — те самые, неестественно длинные, шестисуставчатые, без ногтей — с противным, режущим уши скрежетом провели по стеклу сверху вниз. Следом поднялась еще одна рука в соседнем окне. Потом еще десяток. Сотни.

По всему бесконечному колодцу покатился единый, сводящий с ума звук — миллионы серых пальцев одновременно заскребли по стеклам, словно в этой гигантской бетонной клетке проснулись все замурованные в стены жильцы.

— Да чтоб вас… — прохрипел Артём, чувствуя, как во рту снова намертво пересыхает, а на шее, там, где ее успел сжать ледяной палец твари, кожа горит сухим, колючим огнем.

За его спиной раздался тяжелый, каменный скрежет.

Артём резко обернулся. Выбитый проем балконной двери исчезал на глазах. Боковые стены комнаты за его спиной окончательно сошлись вплотную, с глухим треском раздавив остатки мебели и выдавив наружу мутную, серую пыль. Теперь сплошная, глухая железобетонная плита медленно, с неотвратимой силой тарана надвигалась прямо на него, выталкивая с узкого балконного пятачка в бездну.

Ограждение балкона под руками жалобно заскрипело и начало выгибаться наружу под давлением движущегося бетона. Еще пять секунд — и плита просто срежет его с карниза, сбросив вниз, в бесконечный колодец окон.

Артём лихорадочно шарил глазами по глухой стене справа. И там, в двух метрах в стороне, на стыке двух огромных керамзитобетонных панелей, он увидел **брешь**.

Межпанельный шов разошелся, словно рваная рана на старой коже. Из темного, зазубренного пролома шириной едва в человеческие плечи торчали обломки толстой, изъеденной ржавчиной арматуры, а изнутри тянуло густым, тяжелым запахом горячего машинного масла, ржавого железа и застоявшейся шахтной сырости.

Плита за спиной с грохотом выдавила остатки балконной рамы. Осколки стекла посыпались вниз, в пустоту, без единого звука удара о землю.

Времени на раздумья не было. Артём перехватил поудобнее обрезанный разводной ключ, оттолкнулся от выгнутых перил и вслепую шагнул в пустоту — прямо в черный, зазубренный пролом между плитами.

Ржавая арматура с сухим треском полоснула по куртке и предплечью, вырывая клок ткани, но инженер уже провалился внутрь.

Он летел вниз в кромешной, удушливой темноте узкого технического ствола всего пару секунд, прежде чем его ноги с глухим, тяжелым ударом врезались в мокрый, склизкий металл. Удар отдал тупой болью в колени и позвоночник. Артём покатился по наклонной поверхности, больно ударившись затылком о стальной швеллер, и замер.

Над его головой, там, откуда он только что упал, бетонная брешь с глухим, окончательным каменным лязгом захлопнулась, отрезая свет серого колодца.

Артём лежал на спине, тяжело дыша и сплевывая горькую слюну, смешанную с пороховой крошкой. Вокруг царила непроглядная, липкая тьма. Воздух здесь был густым, холодным и пах так, словно он упал в цистерну с отработанным мазутом и ржавой водой.

Он нашарил в кармане куртки маленький тактический фонарик, щелкнул кнопкой и направил узкий белый луч вперед.

Он лежал на покатой крыше старого, изъеденного коррозией грузового лифта, застрявшего в бесконечной, уходящей в черную бездну шахте. А прямо над его головой, на мутной, заляпанной мазутом пластиковой панели индикатора этажей, тусклым, мертвенно-красным светом горела цифра: **«–1»**.

Глава 2. Не тот этаж

Павел возвращался домой со второй смены около полуночи, волоча за собой тяжелый пакет с продуктами и чувствуя только тупую, свинцовую усталость в пояснице. В подъезде его старой девятиэтажки пахло как обычно — сырой штукатуркой, жареной картошкой с третьего этажа и застоявшимся табачным дымом.

Он вызвал лифт. Кабина пришла быстро — с привычным для этого дома надрывным, железным скрежетом направляющих башмаков и глухим ударом электромагнитного тормоза. Створки разъехались неравномерно, дергаясь и застревая на середине, обнажив тесную коробку, обшитую изрисованным маркерами и потемневшим от времени ламинатом под дерево.

Павел шагнул внутрь, нажал потертую, оплавленную зажигалками пластмассовую кнопку с цифрой «8» и привалился плечом к холодной стенке.

Двери закрылись. Кабина тяжело, натужно вздрогнула, но вместо привычного рывка вверх вдруг провалилась вниз.

Павел инстинктивно вцепился в металлический поручень. Лифт не падал — он именно *ехал* вниз, но с пугающей, неестественной скоростью, набирая ход так, словно тяжелый противовес в шахте оборвался и теперь тащил кабину в преисподнюю.

— Твою мать… — крикнул мужчина, лихорадочно вдавливая красную кнопку «СТОП».

Пластик под пальцем даже не щелкнул. Кнопка провалилась внутрь панели с сухим, рассыпчатым хрустом, будто за ней не было никакой проводки — только спрессованная ржавая пыль.

Тусклая лампочка под потолком кабины замигала, затрещала и погасла, оставив после себя лишь багровое, неровное свечение цифрового табло над дверями. Цифры на индикаторе бешено заплясали. Вместо «1» вспыхнул кривой, перечеркнутый символ, затем ноль, а следом табло залилось густым, мертвенно-красным светом, высветив: **«–1»**.

Воздух в тесной кабине мгновенно изменился. Привычный подъездный запах исчез, сменившись удушливой, ледяной вонью горячего мазута, мокрой сажи и застоявшейся канализационной жижи. Стальные стенки лифта снаружи заскрежетали так громко, словно кабина протискивалась сквозь узкую трубу, заваленную битым кирпичом и ржавой арматурой.

С грохотом, от которого заложило уши, кабина врезалась в упор на самом дне шахты. Удар подбросил Павла вверх и швырнул на колени прямо в рассыпавшиеся из пакета банки и хлеб.

Наступила глухая, давящая тишина.

А затем мотор привода загудел снова — на этот раз медленно, надрывно, с влажным чавкающим звуком, и створки лифта поползли в стороны.

За дверями не было подъезда. Не было бетонного приямка шахты.

Перед Павлом раскинулся бесконечный, уходящий в непроглядную тьму подземный зал с низкими, заросшими черной копотью сводами. Пол был залит по щиколотку густым, маслянисто блестящим мазутом, а вдоль стен тянулись гигантские, опухшие от ржавчины трубы теплотрассы.

И эти трубы дышали. Павел замер на коленях, не в силах закричать, глядя на ближайший чугунный стык, из которого торчали зажатые между фланцами человеческие плечи и голова в серой вязаной шапке. Впрессованный в металл человек ритмично сжимался и разжимался в такт гулу насосов, с тихим, булькающим хрипом прогоняя через собственное горло горячую черную жижу.

Из темноты в глубине зала донесся тяжелый, лязгающий перебор стальных тросов. Что-то огромное и слепое ползло по потолку на звук открывшихся дверей.

Артём стоял на крыше застрявшего лифта на пару этажей выше этого ада, освещая узким лучом фонарика уходящую вниз черную шахту, когда снизу донесся короткий, оборванный на высокой ноте человеческий вопль и следом — сухой, металлический щелчок захлопнувшейся лебедки.

Ликвидатор достал из кармана пачку «Сокола», высыпал в рот щепотку серо-зеленых пластинок, сжал в правой руке обрезанный разводной ключ и полез в открытый аварийный люк в потолке кабины — спускаться на «Минус Первый».

Артём спустился в узкую шахту по промасленным направляющим балкам, чувствуя, как липкая черная грязь мгновенно забивается под ногти и пропитывает рукава куртки. У самого дна шахты висела застрявшая кабина того самого лифта — ее створки были вывернуты наружу с чудовищной силой, словно консервную банку вскрыли гигантским ножом, а на полу кабины в свете фонарика блестел лишь раздавленный пакет с рассыпавшимися макаронами и одинокий, вырванный с мясом мужской ботинок.

Инженер перешагнул через искореженный порог и опустил ногу вниз.

Подошва тяжелого ботинка с глухим, вязким чавканьем ушла в черную, неподвижную жижу по самую щиколотку. Это был не просто мазут — субстанция оказалась густой, ледяной и живой на ощупь, она тут же облепила резину и джинсы, тяжело цепляясь за каждый шаг и пытаясь затянуть ногу глубже, в скрытые под поверхностью трещины в фундаменте.

В нос ударил удушливый, до тошноты плотный смрад: пережженное машинное масло, кислая ржавчина, сероводород из прогнивших коллекторов и сладковатый, тошнотворный дух разлагающейся в тепле плоти. Артём сглотнул горькую слюну — разжеванный перед спуском «Сокол» обжигал язык и небо, вызывая тупую, ноющую изжогу, но именно эта жгучая кислота в желудке не давала его вырвать прямо здесь, в темноте.

Он поднял луч фонарика вперед.

Подвал под фундаментом девятиэтажки не имел границ. Бетонные несущие колонны уходили в непроглядную черноту бесконечными рядами, поддерживая низкие, заросшие мохнатой черной сажей перекрытия. А вдоль всего этого подземного пространства, словно гигантские, опухшие от болезней артерии, тянулись ржавые трубы теплотрассы диаметром в человеческий рост.

И они работали.

С каждой секундой в темноте нарастал тяжелый, влажный, захлебывающийся ритм: *хлюп-стук… хлюп-стук… хлюп-стук…*Словно сотни старых, полуразвалившихся поршней качали густую нефть сквозь забитые шлаком клапаны.

Артём сделал несколько тяжелых шагов по вязкому мазуту, стараясь не производить лишнего шума, и остановился у ближайшего чугунного стыка магистральной трубы. Луч его фонаря скользнул по ржавым болтам фланца и выхватил то, от чего по спине инженера побежали ледяные мурашки.

Между двумя толстыми стальными дисками трубы, там, где у нормальной теплотрассы должна стоять резиновая прокладка, был **впрессован человек**.

Это был мужчина средних лет в истлевшей, пропитанной маслом куртке-аляске. Его грудная клетка и таз были намертво сплющены многотонным давлением чугунных фланцев — ребра вывернулись наружу сквозь ткань, срастаясь с бурой ржавчиной в единый пористый панцирь. Голова и левая рука торчали наружу, свешиваясь вниз над черной гладью мазута. Кожа на его лице стала серой, глянцевой и натянутой до блеска, а веки были намертво запаяны тонким слоем черной смолы.

В такт глухому гулу магистрали грудная клетка впрессованного жильца судорожно раздувалась с влажным, лопающимся хрустом. Его рот широко распахивался, и из черной, беззубой глотки с противным, булькающим шипением выплескивалась струя горячего, пузырящегося мазута, стекая по подбородку обратно в подземное озеро. Он не был мертв — его сердце,

вросшее в чугунный клапан, продолжало биться, превратив человека в живой, вечно задыхающийся перекачивающий насос системы «ИЗНОС».

А дальше в темноте, вдоль всей бесконечной трубы, Артём разглядел еще десятки таких же стыков. Из каждого фланца торчали человеческие ноги, зажатые в тиски головы, скрюченные в судороге кисти рук. Весь этот подземный ярус питался живыми людьми, перемалывая их в топливо для стареющих, гниющих домов наверху.

Артём сжал в правой руке обрезанный разводной ключ, а левой, затянутой в черную перчатку поверх глянцевого шрама, нащупал в тяжелой брезентовой сумке через плечо холодную, увесистую шайбу — пространственную свинцовую заглушку Ведомства с выбитым на ней клеймом контура. Чтобы запечатать этот этаж, ее нужно было вбить в главный распределительный коллектор в центре зала.

И тут прямо над его головой, в непроглядной черноте среди заросших сажей балок, с тихим, змеиным шипением шевельнулся металл. Десятки промасленных стальных тросов с тяжелыми крюками на концах медленно спустились из темноты, раскачиваясь в такт дыханию труб.

Тросы ударили сверху без предупреждения. Они разрезали густой, вонючий воздух с пронзительным, свистящим визгом, похожим на вой обрывающегося лифта.

Артём инстинктивно бросился в сторону, падая коленями в ледяную, вязкую черную жижу. В ту же секунду тяжелый стальной крюк на конце ближайшего троса с оглушительным лязгом врезался в бетонную плиту ровно в том месте, где он только что стоял, высекая сноп багровых искр и поднимая фонтан густого, брызгающего мазута.

Инженер вскинул луч фонарика вверх и почувствовал, как внутри всё похолодело.

По потолку подвала, цепляясь за двутавровые балки десятками промасленных стальных жил, полз **Механический диспетчер**. Это была чудовищная, громыхающая туша, собранная из почерневших редукторов, треснувших чугунных лебедок и туго сплетенных грузовых тросов. В самой середине этого железного клубка, перемалываясь в открытых шестернях, торчали человеческие ребра, обрывки спецовок и раздавленные черепа бывших лифтеров — кости скрежетали о металл при каждом обороте барабанов, издавая тот самый тошнотворный, сухой хруст. Вместо глаз на передней части редуктора тускло горели три разбитые красные лампы аварийной сигнализации, слепо шаря по темноте.

Тварь уловила плеск мазута.

Из-под ржавого кожуха лебедки с грохотом выстрелили сразу три толстых троса. Один из них просвистел над самой головой Артёма, сорвав капюшон куртки, а второй, оснащенный зазубренным монтажным захватом, с размаху впился в левое бедро инженера, разрывая плотную джинсовую ткань и впиваясь стальными зубьями в мышцу.

Артём стиснул зубы до хруста, заглушая крик. В рот тут же хлынула густая, солоноватая слюна, смешанная с невыносимой горечью разжеванного «Сокола». Лебедка на потолке с надрывным электрическим гулом пошла на реверс — трос натянулся как струна, с силой волоча инженера по скользкому от мазута полу прямо к ближайшей магистральной трубе, где между двумя огромными чугунными дисками уже с влажным шипением раздвигалась щель, готовая принять и расплющить новую жертву.

— Не дождешься, сука… — прохрипел Артём.

Упираясь каблуками в скользкий бетон, он перехватил правой рукой обрезанный разводной ключ-четверку и со всей силы обрушил тяжелую, закаленную сталь на натянутый стальной трос.

Раздался оглушительный, звонкий удар, от которого заныли пальцы до самого локтя. Тросы твари были старыми, изъеденными ржавчиной и кислотным мазутом — несколько перетертых проволок с резким щелчком лопнули, хлестнув Артёма по щеке и оставив горячий кро-

вавый порез. Он ударил еще раз. И еще. С четвертого удара насквозь проржавевшая жила не выдержала и с громким хлопком разорвалась.

Освободившись, Артём рванулся с места. Не обращая внимания на рваную рану на бедре, из которой по пропитанным маслом штанам текла горячая кровь, он бросился вперед, проваливаясь по щиколотку в вязкую черную жижу.

Прямо перед ним, в самом центре подземного зала, возвышался **главный распределительный коллектор—** огромный чугунный узел размером с железнодорожную цистерну, от которого во все стороны расходились пульсирующие, облепленные впрессованными людьми трубы. В самом центре этого железного сердца зияла круглая технологическая горловина диаметром в полметра, откуда с ревом вырывался черный, обжигающий сквозняк, затягивающий внутрь воздух всего подвала.

«Механический диспетчер» с оглушительным лязгом шестерней рухнул с потолка наперерез, перегораживая путь к коллектору. Десятки тросов взметнулись вокруг железного чудовища, как щупальца разъяренного спрута, готовые разорвать человека на куски.

Артём не стал замедлять бег. Он выхватил левой рукой из кармана остатки картонной пачки пороха, на ходу швырнул ее прямо в искрящие, перемалывающие кости шестерни редуктора и полоснул по ним узким пламенем бензиновой зажигалки.

Вспышка бездымного пороха ударила в самый центр механизма. Ослепительный огонь мгновенно воспламенил густой мазут и смазку на тросах. Чудовище взвыло пронзительным, скрежещущим визгом заклинивших тормозов, окутываясь черным дымом и оранжевым пламенем, а его тросы в слепой судороге заколотили по бетонным колоннам.

Нырнув под горящий, хлещущий по воздуху канат, Артём в два прыжка взлетел по ржавым скобам на площадку главного коллектора.

Воздушная воронка из открытой горловины тянула так сильно, что едва не вырвала его из-за поручней. Инженер вытащил из сумки тяжелую, холодную свинцовую заглушку Ведомства, с усилием приложил ее к ревущему отверстию и навалился всем весом, вбивая диск в паз тяжелым ударом разводного ключа.

Раздался глухой, тяжелый *тук*.

В ту же секунду рев сквозняка оборвался. Свинец намертво запечатал пространственный прорыв. Гул труб вокруг мгновенно стих, сменившись долгим, предсмертным шипением сдувающихся клапанов, а горящий «Механический диспетчер» с тяжелым, металлическим грохотом рухнул в черное озеро мазута и затих.

Артём опустился на колени на горячем чугуне коллектора, тяжело дыша и сжимая окровавленное бедро. Этаж был запечатан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.